

УДК 911.3

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ ПОСТСОВЕТСКОМУ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

© 2017 г. Татьяна Г. Нефедова

*Институт географии РАН, Москва, Россия
e-mail: trene12@yandex.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2017 г.

Аннотация. В статье проведен анализ структурных и региональных изменений в российском сельском хозяйстве за последние 25 лет и выявлены основные противоречивые тенденции его развития. Рассматриваются региональные различия в уменьшении посевных площадей, которое, тем не менее, не помешало усилению растениеводства и увеличению экспорта его продукции. Анализируются изменения в годовом разрезе балансов производства, потребления, экспорта и импорта зерновых, мяса и молока, а также региональные сдвиги в производстве ключевых продуктов. Рассматриваются динамика поголовья разных видов скота и птицы, а также изменение соотношения производства мяса и молока в сельскохозяйственных предприятиях и в хозяйствах населения и фермеров. Анализ концентрации производства в агрохолдингах показал, что она способствует снабжению городов продовольствием, но усиливает пространственную поляризацию сельского хозяйства. Изменения в характере производства вследствие кризиса и модернизации сельского хозяйства рассматриваются на фоне уменьшения занятости, низкого престижа сельскохозяйственного труда и его низкой оплаты. Их последствиями стали увеличение безработных в сельской местности и расширение отходничества сельских жителей на заработки в города. Последнее в ряде регионов, окружающих Московскую агломерацию, привело к блокированию развития сельского хозяйства. В статье для анализа широко используются графики и карты.

Ключевые слова: сельское хозяйство, производство, экспорт, импорт, зерновые культуры, мясо, молоко, концентрация, регионализация, сельское население, занятость, отходничество.

DOI: 10.7868/S0373244417050012

TWENTY-FIVE YEARS OF POST-SOVIET RUSSIAN AGRICULTURE: GEOGRAPHIC TRENDS AND CONTRADICTIONS

Tatyana G. Nefedova

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: trene12@yandex.ru*

Received January 25, 2017

Abstract. The article suggests an analysis of structural and regional changes in Russian agriculture and the contradictory tendencies of its development over the last 25 years. The author examines the regional differences in the acreage decrease that has not hampered the intensification of crop production and growth of grain exports. The changes in balances of production, consumption, export and import of grain, meat and milk are traced year by year, as well as regional shifts in key products outputs. The dynamics of different types of livestock and poultry, as well as the change of the ratio of meat and milk production in agricultural enterprises, farms and personal plots of population are investigated. The increasing concentration of production in agricultural holdings and large enterprises is promoting the urban food supply, but affects the spatial polarization of agriculture. Changes in production as a result of the crisis and modernization of agriculture are examined on the background of declining agricultural employment, the non-prestige farm labor and its low pay. This resulted in growing unemployment in rural areas and in spread of moving rural residents to cities for earnings. Their outflow from the regions nearby to Moscow agglomeration has blocked the development of agriculture. The article widely uses graphics and maps for the analysis.

Keywords: agriculture, production, exports, imports, cereal crops, meat, milk, concentration, regionalization, rural population, employment, temporal work.

Постановка проблемы.

О кризисе сельского хозяйства в 1990-е годы и его подъеме в 2000-х, рыночной трансформацией отрасли, изменении ее роли в экономике и продовольственном обеспечении страны, влиянии на землепользование и о социальных последствиях для населения писали экономисты, специалисты по сельскому хозяйству, социологи, географы.

В данной статье акцент делается на выявлении связи структурных преобразований отрасли с изменением использования земельных и трудовых ресурсов в последние 25 лет и особенно в период восстановления и роста сельскохозяйственного производства. Эти изменения имели существенные, порой неожиданные социальные, экономические и экологические последствия. Их можно выразить несколькими противопоставлениями:

- потери посевных площадей vs усиление экспорта продукции растениеводства;
- потери поголовья скота vs увеличение самообеспечения страны мясом;
- усиление концентрации производства в отрасли vs сохранение значимости хозяйств населения;
- уменьшение сельского населения vs появление излишков трудовых ресурсов в сельской местности.

Одно из объяснений названных противоречий связано с усилением территориального разделения труда и изменением структуры и географии сельского хозяйства. Цель данной статьи – выявление и анализ влияния структурных изменений в отрасли на сельское пространство, включая пространственную поляризацию сельскохозяйственного производства и сельской местности.

Исследование базируется преимущественно на ежегодных данных за 1990–2015 (2016) гг. из статистических справочников и интернет-ресурсов Федеральной службы государственной статистики (Госкомстат, Росстат) по регионам России, данных Всероссийской переписи населения 2010 г. и Обследования населения по проблемам занятости. В качестве отдельных примеров использовалась информация по муниципальным образованиям. Кроме того, анализ опирается на опыт многолетнего, в том числе полевого, исследования автором сельского хозяйства и сельской местности в разных регионах России.

Результаты и их обсуждение.

Посевные площади или продукция? В последние 25 лет, с одной стороны, произошли значительные потери посевных площадей, а с другой – роль растениеводства, объемы производства

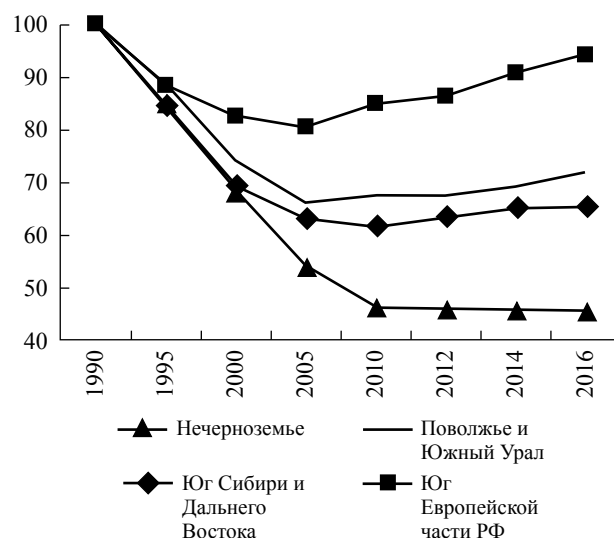

Рис. 1. Динамика посевных площадей по макрорегионам России, 2016 г. в % к 1990 г.

Источник: данные Госкомстата и Росстата.

и экспорта ключевых культур, прежде всего зерновых, в 2000–2010 гг. значительно выросли. Российские власти, вдохновленные урожаями зерна, планируют расширение экспорта за счет дальнейшего роста урожайности и возвращения в оборот заброшенных посевных площадей.

Потери посевных площадей составили 38 млн га от 119 млн га в 1990 г., т.е. более трети. Они были связаны не только с общеэкономическим кризисом, но и с тем, что на значительной территории, где природные и демографические условия не благоприятствовали развитию сельского хозяйства, без огромных советских дотаций колхозы выжить не смогли. Тем более что в советское время в ряде районов предприятия под контролем партийных органов были вынуждены распахивать больше площадей, чем реально были в состоянии обработать и с которых могли убрать урожай.

Динамика посевных площадей в постсоветское время резко отличалась в разных частях страны [24]. Наиболее сильное сокращение характерно для Нечерноземных регионов – 13 млн га (рис. 1). В этих же регионах еще в советское время произошли сильные потери человеческого капитала в сельской местности из-за отъезда молодых и наиболее активных жителей и старения населения; потери продолжились и в последние годы [4, 9, 10]. С учетом сложности природных условий и социальных ограничений здесь не более трети бывших пахотных земель, в основном в пригородах и на территориях, не очень сильно удаленных от больших городов, может быть возвращено

в оборот. Исключение составляют лишь земли крупных агрохолдингов, способных поддерживать свои удаленные филиалы в отдельных очагах благодаря высокому уровню механизации производства и минимизации занятых. Не менее сильные потери посевных площадей произошли в степных районах Поволжья и Урала. Частичное их восстановление облегчено безлесностью территории, востребованностью зерна, в том числе на экспорт, и повышенной эффективностью его производства [5]. Оно может опираться как на еще не растроченный потенциал местного населения, так и на приезжих работников из Средней Азии. Главным в этих районах становится поиск баланса между пахотным и пастбищным использованием земель, учитывая отрицательные экологические последствия сильной распашки и необходимость развития пастбищного мясного животноводства. На юге Европейской России потери пахотных земель сравнительно невелики (1.5 млн га). В эти районы в 2000-х годах активно шли инвестиции. Там происходит восстановление посевных площадей при резком увеличении доли зерновых до 70–90%, в том числе с нарушением севооборотов и истощением земель [10]. Восточные регионы страны, потерявшие почти 10 млн га посевов, продолжают, как и Нечерноземье, терять и население. Восстановление сельского хозяйства в них возможно лишь частично, в том числе, с привлечением иностранных рабочих. Так что потери около 20 млн га былой посевной площади России все равно были неизбежны¹. При этом структура использования оставшейся посевной площади заметно изменилась. Посевы пшеницы, ставшей одним из основных экспортных товаров России, увеличились с 24 до 27 млн га, а площади кормовых культур уменьшились в 2.6 раза, что тесно связано с уменьшением поголовья скота.

Потери малопродуктивных земель не повлияли заметно на рост производства зерна, подсолнечника, сахарной свеклы и продукции растениеводства в целом. Его доля в валовой продукции сельского хозяйства составляла в 1990 г. 37%, с середины 1990-х годов растениеводство стало обгонять животноводство (при гораздо большем кризисе последнего) и к 2016 г. достигло 55%. Соотношение

двух отраслей российского сельского хозяйства стало предметом дискуссий: экспортировать зерно и закупать мясо (особенно говядину) или восстанавливать советское поголовье [17, 25]. Но во втором случае не будет таких излишков зерна на экспорт, а это – валюта для поддержки и модернизации сельского хозяйства.

В последние годы валовая продукция растениеводства продолжала расти. Повлияли благоприятные погодные условия и модернизация производства, вызвавшие повышение урожайности культур, хотя в технологическом плане Россия все еще заметно отстает от западных стран. Это видно хотя бы по количеству техники в растениеводстве: если в 1990 г. на 1000 га пашни приходилось 11 тракторов, то в 2000 г. – 7, а в 2015 г. – всего 3. Правда, их производительность изменилась за счет увеличения доли импортной техники. Так что потенциал растениеводства не исчерпан [1].

Наиболее заметно трансформировалась пространственная структура производства зерновых культур. Оно все больше сосредотачивается в районах с наиболее благоприятными природными предпосылками (рис. 2). В 2016 г. 58% зерна было собрано на юге Европейской России (без Поволжья); южные регионы Поволжья и Урала добавили 21% – хотя эти два макрорегиона вместе занимают всего 10% территории России, в них сосредоточена половина сельскохозяйственных угодий. Еще 11% зерна было собрано в Нечерноземье и 10% на Юге Западной Сибири и Дальнего Востока. Если сравнить пространственное распределение валовых объемов полученного зерна в позднесоветские и в последние годы (см. рис. 2), видно, как производство зерновых уходило от советского самообеспечения регионов и сдвигалось на юг.

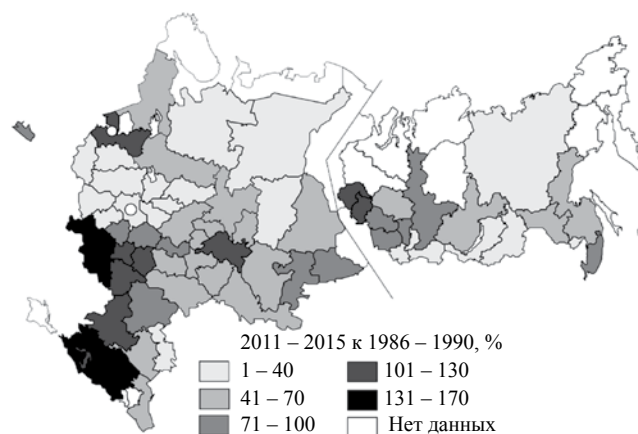

Рис. 2. Динамика производства зерна в регионах России, 2011–2015 гг. в % к 1986–1990 гг.

Источник: данные Росстата.

¹ Эти положения отчасти совпадают с исследованиями Meufroidt et al. [23], рассматривающими возможности восстановления сельскохозяйственных земель в России, Украине и Казахстане. Авторы считают, что лишь 17 из 47 млн га заброшенных земель рационально восстанавливать с учетом социально-экономических и экологических ограничений. Остальные заброшенные пахотные земли могут использоваться для пастбищного животноводства и оказания экосистемных услуг.

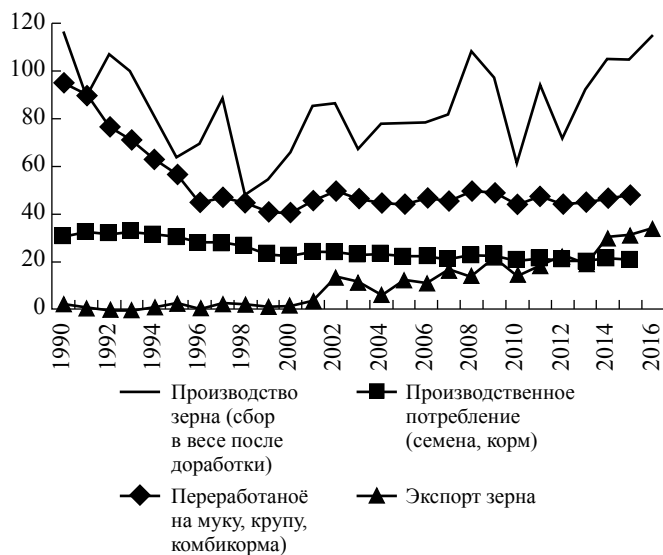

Рис. 3. Производство, потребление и экспорт зерна в России с 1990 по 2016 г., млн т.

Источник: данные Росстата.

Роль равнинных регионов Северного Кавказа и Центрального Черноземья, а на востоке – Омской области и Алтайского края заметно увеличилась. Помимо зернового хозяйства успехи в последние годы видны в производстве тепличных овощей в пригородах, которое способно, как показал период запрета турецких овощей, по объему частично заменить овощной импорт.

Производство зерна в 2016 г. практически вернулось к уровню советского периода (рис. 3). При резком уменьшении производственного потребления и выпуска комбикормов для скота это сформировало значительные излишки зерна, что позволило России вернуться в число его крупнейших экспортеров в мире после десятилетий импорта в советское время. При этом 72% экспорта зерна в 2016 г. пришлось на пшеницу. Именно зерновой бизнес позволил увеличить рентабельность российского сельского хозяйства и послужил драйвером его развития на юге страны.

При общем повышении урожайности важной проблемой остаются ее сильные колебания при изменении погодных условий и, соответственно, нестабильность валовых сборов зерна. Нерационален и сырьевой характер российского экспорта растениеводческой продукции, на котором зарабатывают покупатели зерна, производящие муку, макароны и т.п.

Самообеспечение мясом или его импорт? Развитие животноводства создает гораздо более сложные проблемы. Хотя объемы производства мяса

увеличиваются в последние годы, это связано в основном с восстановлением птицеводства и свиноводства (рис. 4), объемы производства которых почти освобождают Россию от импорта соответствующей продукции. Частичное восстановление этих двух отраслей в последние 15 лет также способствовало возвращению земель в оборот для производства зерновых кормов.

Отличие современного животноводства от советского заключается в том, что в значительной степени потеряно племенное и селекционное хозяйство, которое очень трудно восстановить. Многие производства зависят от импорта производителей, молодняка и цыплят.

В последние годы произошло также некоторое сокращение импорта говядины в связи с переменой основных поставщиков после введения санкций – на латиноамериканские страны и Новую Зеландию (рис. 5). Но главное, потребители перешли на более дешевую свинину и птицу, производство которых в России увеличилось. Доля птицы на российском рынке мяса составляла в 2016 г. 60%.

По некоторым источникам [3], в России уже наблюдается перепроизводство свинины и птицы, приводящее к падению цен на них. Благоприятное для потребителей оно оказывается болезненным для производителей из-за увеличения ввоза более дешевой импортной свинины. Еще в большей степени это касается говядины, производство которой в России обходится намного дороже по сравнению с пастбищным животноводством в странах-экспортерах, даже с учетом стоимости перевозки.

Молочное стадо в постсоветский период на предприятиях сокращалось особенно быстро из-за выбраковки низкопродуктивных пород и плохого питания скота. За 1990-е годы оно сократилось на 40%, с 2000 по 2015 г. – еще на 35%. Фиксировалось

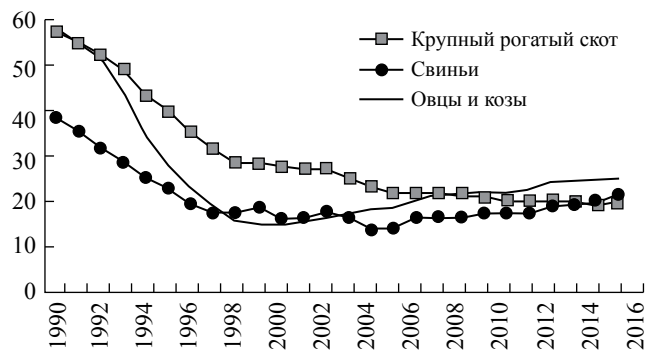

Рис. 4. Изменение поголовья крупного рогатого скота, свиней, овец и коз с 1990 по 2015 г., млн голов.

Источник: данные Росстата.

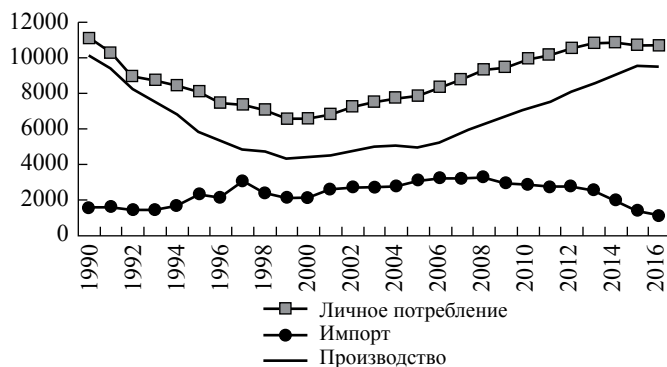

Рис. 5. Производство, потребление и импорт мяса в России с 1990 по 2016 г., тыс. т.

Источник: данные Росстата.

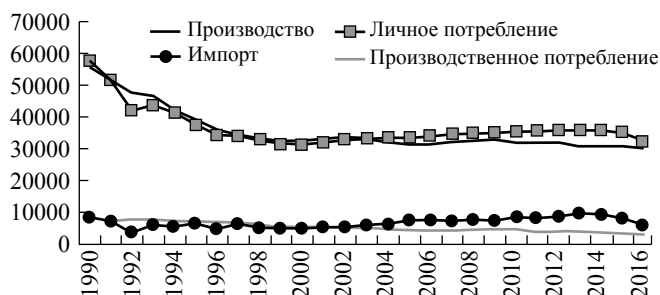

Рис. 6. Производство, потребление и импорт молока и молокопродуктов с 1990 по 2016 г., тыс. т.

Источник: данные Росстата.

также снижение потребления молока и молокопродуктов, адекватное снижению производства (рис. 6); с 2000-х годов оно стабилизировалось на значительно более низком уровне. Для производителей тяжелым испытанием оказался импорт молокопродуктов из Белоруссии, хлынувший на открытый в рамках союзного государства российский рынок и частично заменивший импорт из Европы. И все же помощь государства позволила крупным предприятиям продолжить модернизацию и обновление породного состава, что сказалось на заметном повышении надоев молока от одной коровы (на предприятиях они повысились с 2.8 до 5.1 т от одной коровы в год, в то время как в хозяйствах населения оставались на уровне 3.5 т).

Усиление концентрации производства в крупных предприятиях и агрохолдингах или рассредоточение по мелким производителям? Особенность производства сельскохозяйственной продукции в России заключается также в том, что, начиная с 2000-х годов, оно все больше концентрируется в крупных сельскохозяйственных организациях.

Объем инвестиций стал расти после дефолта 1998 г., когда резко подорожал импорт, и инвесторы обнаружили, что при сравнительно небольших вложениях сельское хозяйство, особенно растениеводство, свиноводство, птицеводство – выгодные отрасли с относительно коротким оборотом инвестиций [2, 13, 20, 22]. Это дало мощный старт формированию агрохолдингов сверху – от пищевых предприятий, финансовых, государственных структур и т.п. [10, 11]. Благодаря лучшему техническому вооружению агрохолдингов произошло повышение производительности труда, частичное возвратное вовлечение в использование заброшенных земель, увеличилась продуктивность скота. Холдинги создают рабочие места со сравнительно неплохой для сельской местности зарплатой, но при этом им требуется гораздо меньше работников, чем прежним колхозам. При кризисе многих предприятий и неразвитости малого бизнеса это создаст проблемы безработицы в сельской местности.

Бурный рост агрохолдингов в 2000-х годах привел к сильной зависимости ряда районов от одного крупного предприятия. При этом его городские менеджеры, как правило, не заинтересованы в развитии сельской местности в отличие от бывших председателей колхозов, фермеров, населения [11].

Агрохолдинги, занимающиеся птицеводством и свиноводством, часто сознательно вытесняют не только малых производителей (рис. 7), но и предприятия среднего звена (бывшие колхозы, птицефабрики) и, главное, не взаимодействуют с ними. В этом принципиальное отличие организации российского сельского хозяйства от европейских стран и США, где фермерство встроено в работу агрохолдингов [2, 8]. Более того, при появлении в районе крупного производителя населению, как правило, запрещают держать в своих личных хозяйствах свиней из опасения распространения заболеваний животных.

Крупный рогатый скот при продолжающемся сокращении поголовья в меньшей степени, чем свиньи и птицы, концентрируется на крупных предприятиях и все еще играет важную роль для сельского населения. Особенно заметно роль хозяйств населения увеличилась в 1990-х годах. До 2005 г. они производили 51% мяса. К 2016 г. с восстановлением птицеводства и свиноводства в агрохолдингах доля хозяйств населения, по данным Росстата, упала до 22.5%. Мясным животноводством занимаются также фермеры. В 2015–2016 гг., по данным Росстата, они производили 7–8% говядины, в то время как в производстве свинины их доля составляла всего 1.5%, птицы – 1%.

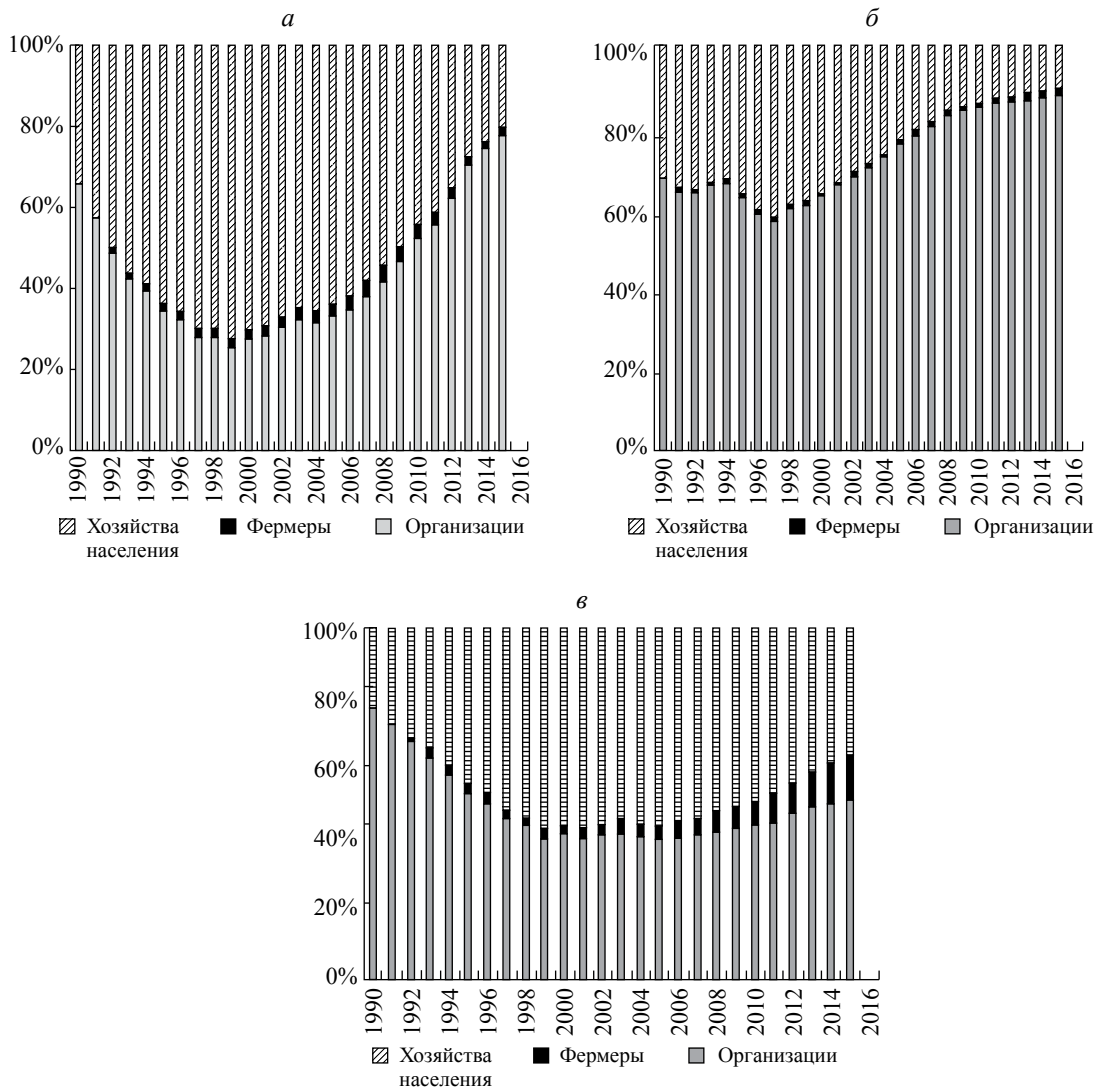

Рис. 7. Изменение доли укладов с 1990 по 2015 г. в производстве: а – свинины, б – птицы, в-мяса говядины, %.
Источник: данные Росстата.

Правительство пытается стимулировать животноводство в фермерских хозяйствах, но откликаются только те регионы, где сохранен трудовой потенциал. Например, в Татарстане, где значительную роль играют и агрохолдинги [13], поголовье крупного рогатого скота, овец и коз в частных хозяйствах (особенно в татарских и чувашских районах) значительно выше, чем на других территориях. Программа развития семейных животноводческих ферм (на 24 головы скота) здесь имеет успех. А в Нечерноземье таких мини-ферм мало, местное население не проявляет интереса к частному товарному животноводству, особенно в связи с постарением сельских жителей и отъездом молодежи, а поддержка региональных властей недостаточна.

Обычно агрохолдинги выбирают для инвестиций более жизнеспособные хозяйства на юге или расположенные ближе к крупным городам, тем самым усиливая пространственную поляризацию сельского хозяйства [10, 11]. Хотя есть отдельные примеры прихода холдингов или их филиалов в глубинку, особенно в мясном производстве, как, например, в случае Мираторга в Брянской и соседних областях, где тысячи голов скота содержатся на пастбищах. Есть попытки круглогодичного содержания мясных пород скота вне помещений и в нечерноземных районах [14, с. 163–167].

В Нечерноземье сохраняются лишь очаги молочного животноводства. В последние 10–15 лет оно чаще развивается за счет мегаферм, хотя корма для животных холдинги производят в южных

районах, а управляющий центр и перерабатывающие предприятия часто находятся в крупных городах. Ближе к мощным рынкам сбыта стягиваются также новые птицеводческие и свиноводческие комплексы. Поэтому впечатление полного упадка сельского хозяйства при виде заросших полей и пастбищ в Нечерноземье порой обманчиво: отрасль сохраняется точно благодаря агрохолдингам и их филиалам [16, с. 136–145].

Выявляются 15 регионов-лидеров, в которых сосредоточена половина всего поголовья крупного рогатого скота (таблица, рис. 8). При этом, если во многих республиках и в некоторых восточных регионах это связано с большой ролью хозяйств населения и фермеров, то в Европейской России гораздо больше роль крупных предприятий. Это

видно по графе “КРС в сельскохозяйственных организациях” в таблице, где в числе лидеров – регионы с наибольшей долей агрохолдингов, хотя до восстановления потерянного поголовья скота даже этим регионам еще далеко (рис. 9).

Еще большая степень концентрации характерна для свиноводства: 15 регионов-лидеров сосредотачивают 60% поголовья свиней. Безусловным лидером является Белгородская область – “мясная столица России”, в которой находится 18% поголовья. Выделяются также Курская и Тамбовская области с крупнейшими агрохолдингами.

Тем не менее, все постсоветские годы в связи с потерей гарантированных заработков на сельскохозяйственных предприятиях именно корова оставалась во многих сельских районах, особенно

Таблица. Пятнадцать регионов-лидеров по поголовью крупного рогатого скота (КРС) во всех категориях хозяйств в 2015 и 1990 гг. и в сельскохозяйственных организациях в 2015 г., тыс. голов на конец года

КРС всего	2015 г.	КРС в сельскохозяйственных организациях	2015 г.	КРС всего	1990
Республика Башкортостан	1139.5	Республика Татарстан	666.9	Республика Башкортостан	2392.9
Республика Татарстан	1033.7	Республика Башкортостан	403.9	Ростовская область	2112.7
Республика Дагестан	1011.3	Брянская область	381.5	Алтайский край	2042.9
Алтайский край	817.3	Алтайский край	359.2	Краснодарский край	1778.1
Оренбургская область	594.5	Краснодарский край	352.6	Оренбургская область	1752.0
Ростовская область	590.0	Новосибирская область	328.6	Омская область	1655.5
Краснодарский край	538.0	Воронежская область	291.9	Саратовская область	1639.0
Республика Калмыкия	499.3	Удмуртская Республика	279.9	Новосибирская область	1633.8
Новосибирская область	469.9	Оренбургская область	251.2	Республика Татарстан	1573.2
Забайкальский край	469.0	Красноярский край	219.6	Волгоградская область	1521.8
Воронежская область	462.8	Кировская область	212.5	Воронежская область	1389.3
Красноярский край	425.1	Омская область	208.3	Красноярский край	1302.0
Брянская область	422.1	Нижегородская область	206.9	Нижегородская обл.	1264.3
Омская область	412.5	Московская область	195.6	Московская область	1218.2
Саратовская область	405.9	Свердловская область	188.6	Челябинская область	1198.2
Доля в поголовье КРС России, %	49	Доля в поголовье КРС России, %	54	Доля в поголовье КРС России, %	43

Источник: данные Госкомстата и Росстата.

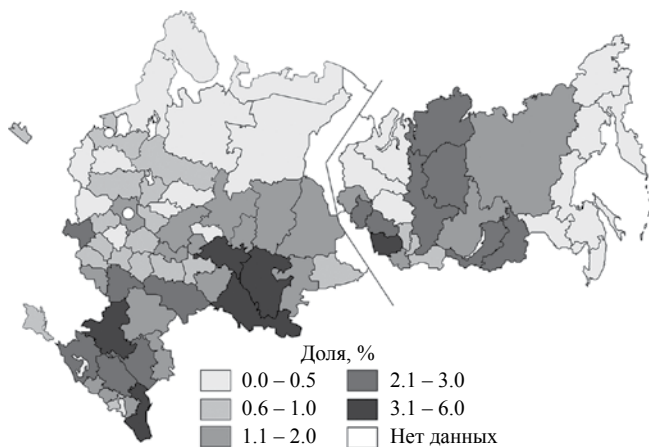

Рис. 8. Доля регионов в поголовье крупного рогатого скота в России в 2015 г., %.

Источник: данные Росстата.

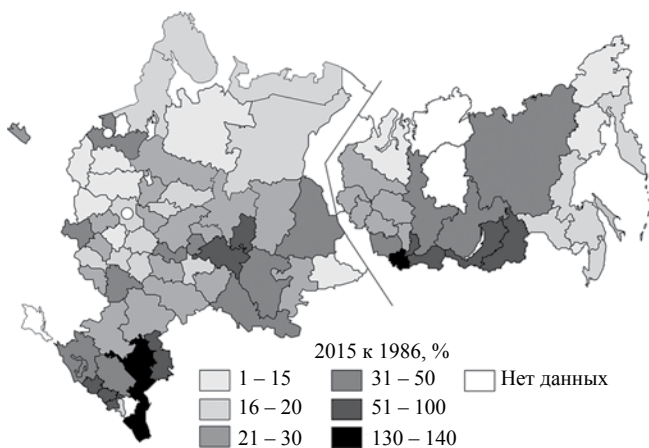

Рис. 9. Динамика поголовья крупного рогатого скота в России, 2015 г. в % к 1986 г.

Источник: данные Госкомстата и Росстата.

сохранивших трудовой потенциал, кормилицей. Продажа излишков молока, молокопродуктов и мяса стала источником пополнения семейных бюджетов, в том числе для обучения и содержания детей в городе [10, 14]. К концу 2015 г. Росстат показывал, что доля хозяйств населения в производстве молока все еще оставалась на уровне 48%, хотя многие специалисты считают эти данные завышенными [2]. При этом наибольшая активность населения в животноводстве наблюдается не в Нечерноземье, где сильнее пострадали предприятия, а в южных регионах, где наследники колхозов, агрохолдинги и фермеры занимаются растениеводством и частично расплачиваются с работниками и владельцами земельных паев зерном и другими кормами для скота (рис. 10).

Частное животноводство сохраняется и в некоторых районах в повышенной долей нерусского населения, которое с уходом колхозов вернулось к традиционному хозяйству. Таким образом, усиление концентрации производства не изжило мелкие хозяйства, а частично стимулировало самообеспечение населения продовольствием в районах, сохранивших трудоспособное население. Во многом это было связано с резким уменьшением занятости в сельской местности.

Дефицит или излишки трудовых ресурсов в сельской местности? В советское время отток сельского населения, особенно сильный в Нечерноземье, во многом был связан с процессом урбанизации. В постсоветское время стали все отчетливее сказываться накопленные последствия оттока. С 1959 по 2015 г. население в сельской местности уменьшилось на 19 млн человек при том, что во многих регионах до 1990-х годов рождаемость превышала смертность и главным фактором сокращения населения были именно миграции. Удержать молодежь в сельской местности удавалось и до сих пор удается только южным республикам, краям и областям и пригородам крупных центров [7, 9, 10]. В Нечерноземье за несколько послевоенных десятилетий численность населения сократилась вдвое, а во многих периферийных нечерноземных районах осталось менее 20%. Аграрная монопрофильность советского села, а также инфраструктурная и социальная необустроенность сельской местности лишь усиливали миграции. Увеличивалась и естественная убыль сельского населения, что привело к общему сокращению трудовых ресурсов на сельских территориях и породило

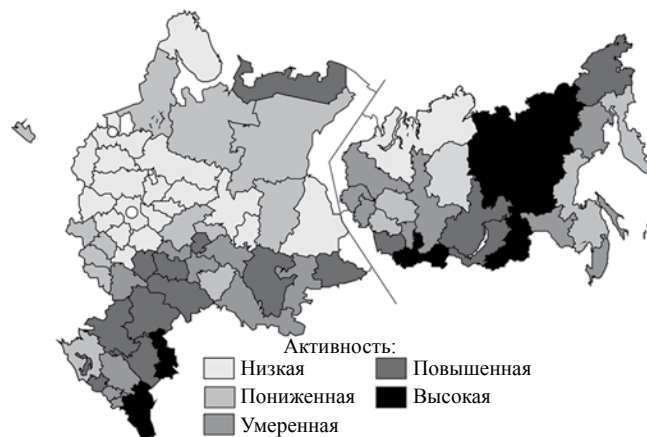

Рис. 10. Активность хозяйств населения в малом неформальном бизнесе в животноводстве (по показателю поголовья крупного рогатого скота, свиней, овец и коз на 100 сельских домохозяйств).

Источник: данные Росстата.

устойчивое представление о дефиците трудовых ресурсов в сельской местности [1]. И хотя в начале 1990-х годов в сельскую местность стали перебираться русские из бывших союзных республик СССР, после непродолжительного положительно-го баланса миграций отъезд в города опять стал преобладать. К оттоку из Европейской России добавился массовый отъезд из северных и восточных регионов. Выборочность выхода сельского хозяйства из кризиса способствовала лишь усилению поляризации сельского пространства по осям север—юг и пригород—периферия [9] и ускорила отъезд из экономически и демографически неблагоприятных сельских территорий.

Закрытие недееспособных и модернизация выживших предприятий в постсоветское время усилили переход от трудодефицитной модели занятости в сельском хозяйстве с большим количеством занятых и низкой производительностью труда к трудосберегающей модели, выявившей неожиданно излишки сельского населения во многих районах (рис. 11). Из 37 млн сельских жителей 21 млн — люди трудоспособного возраста, но только 4.9 млн к 2015 г. официально было занято в сельском хозяйстве. Лесное хозяйство, дававшее работу в Нечерноземье и на востоке страны, также сократило занятость. Остальные сельские жители работали в бюджетной сфере, которая особенно быстро стала сжиматься в ходе объединения сельских поселений; в торговле; на транспорте или не работали, живя на пенсии своих матерей или временные заработки. Почти 2/3 официально занятых сельских жителей — старше 40 лет, а 40% — старше 50-ти. Молодежь неохотно идет работать в сельское хозяйство, даже если есть вакантные места.

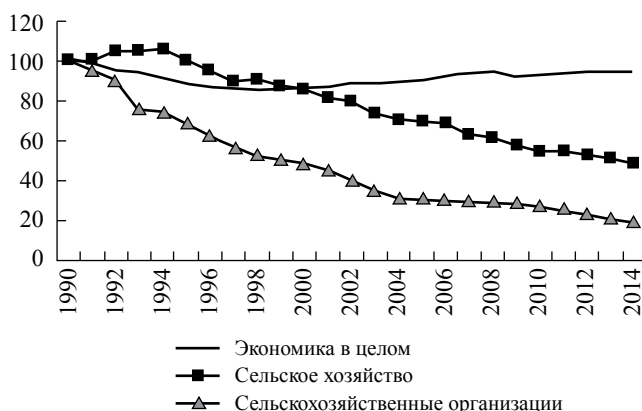

Рис. 11. Динамика занятости в экономике и в сельском хозяйстве, % к 1990 г.

Источник: данные Госкомстата и Росстата.

Уровень официально зарегистрированной безработицы в сельской местности почти вдвое выше, чем в городах, хотя и уменьшается (в 2005 г. он составлял 10.2%, в 2014 г. — 7.9%). Однако большая часть реально безработных не регистрируется в службе занятости, хотя в некоторых периферийных районах Нечерноземья их доля достигает трети и более населения в трудоспособном возрасте [15, с. 61]. При этом распространена как неформальная занятость в личном подсобном хозяйстве, так и временные работы населения вне места проживания (отход).

Причины распространения современных трудовых миграций сельских жителей в города и пригороды во многом связаны с неудовлетворенностью занятостью в месте проживания [6, 12, 21]: 1) уменьшением числа местных вакансий, отвечающих запросам современных сельских жителей, хотя запросы работников, чаще всего низкой квалификации, обычно завышены; 2) ростом мест приложения низкоквалифицированного труда в крупных центрах и агломерациях; 3) разницей в заработной плате и доходах населения в сельской местности, с одной стороны, и в крупных центрах и агломерациях, с другой. Молодежь, уезжающая в города сразу после окончания школы учиться или работать, как правило, остается там и после учебы, хотя некоторые сохраняют постоянную регистрацию в сельской местности. Остальные работают в городах в режиме отходников с недельным или месячным циклом. По опросам, около половины сельских отходников желали бы переехать в города [19], но их удерживает недоступность жилья в крупных центрах, заставляющая их жить на два дома, что отчасти сдерживает урбанизацию. С другой стороны, отходничество как постепенное приобщение к городскому образу жизни многими рассматривается в качестве “шага на пути в город”, что пролонгирует урбанизацию в России.

По переписи населения 2010 г., число отходников из сельской местности, работающих не в том регионе, где они живут, невелико — около 800 тыс. человек. Однако исследования в разных регионах России в 2000-х годах давали существенно большие оценки [6]. Особенно велика относительная доля отходников из сельской местности в регионах, окружающих Московскую агломерацию. На отходе там работают от 7 до 20% сельского населения в трудоспособном возрасте, а в некоторых регионах, например, на севере Тульской области, до половины экономически активного сельского населения. Все это создает своеобразный парадокс: в регионах с повышенной долей

отходников вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве остаются незанятыми.

Заключение. Что дальше?

С 2014 г. Россия живет под санкциями. Они нанесли серьезный удар по экономике, хотя и не касались напрямую сельского хозяйства. Но они лишили его сравнительно дешевого финансирования, поскольку затрагивали крупные банки, в том числе Россельхозбанк, выдававшие кредиты. Расширение санкций включало замораживание активов ряда компаний, влияло на экспорт их товаров и предоставление услуг. Ответные действия России, закрывшей импорт говядины, свинины, птицы, овощей и фруктов, рыбы, молока, сыров и других молочных продуктов из стран Евросоюза, Австралии, Канады, Норвегии и США в большей степени были политической мерой, но их воздействие также было существенно. Они спровоцировали шок в торговле в крупных городах и рост цен на продовольствие. Однако отечественным производителям сельскохозяйственной продукции, в отличие от западных², они дали шанс, изменив продовольственный рынок России.

Десятки компаний, несмотря на кризис и санкции, все-таки сохраняют, а некоторые даже расширяют бизнес. Несмотря на субсидии отдельным компаниям, инвестиционный климат в России производители оценивают как крайне сложный с дорогими кредитами. В привилегированном положении находятся крупные компании, которым легче устанавливать взаимовыгодное сотрудничество (а иногда и диктат) с районными и региональными властями. Разнообразие бизнеса, при котором они могут инвестировать в одни производства за счет средств, полученных в других, таких компаний как «Мираторг» (лидер 2015 г. по инвестициям) или «Русагро» и поддержка властей, особенно под лозунгами импортозамещения, делает эти компании более устойчивыми. Банки охотно дают им кредиты. А тем, кто в кредитах остро нуждается, получить их труднее, а часто и невозможно.

Ориентация на поддержку крупных производителей и прорывных проектов, позволяющих расширять внешние рынки, очевидна. Тем не менее поддержка нужна не только для отдельных агрохолдингов, но и для массового бизнеса — крупного, среднего и малого. Это касается не только производства, но и реализации сельскохозяйственной

продукции. Рынки сбыта и создание оптово-распределительных баз и логистических центров для самых разных производителей на разных масштабных уровнях все еще остаются в России ключевой проблемой. И хотя в провинциальных городах стали появляться в магазинах местные товары, малый бизнес все больше вытесняется торговыми сетями, которым гораздо удобнее иметь дело с большими партиями продукции. Это уменьшает разнообразие доступного продовольствия, что не только влияет на продовольственную безопасность России как государства, но и на экономическую доступность продуктов питания для населения.

Продление санкций, низкие цены на нефть оставляют открытым вопрос о том, сколько еще потребуется времени и усилий для выхода экономики России из кризиса и стагнации. Запрет на импорт продовольствия из ЕС и США при имеющихся институтах не побудил отечественных производителей (крупных, средних, мелких) к долгосрочным и массовым инвестициям в агропроизводство. Зато он создал относительно тепличные условия, к которым производители, особенно поддерживаемые государством, начали привыкать. Добавление импортных конкурентов при отмене российского эмбарго их пугает, надежда — только на то, что не все вернутся на российский рынок, поскольку уже наладили поставки в другие страны. Главным конкурентом на молочном рынке остается Белоруссия, по сравнению с которой российская продукция менее конкурентоспособна.

И все же на фоне упадка многих отраслей экономики России современный агрокомплекс — развивающаяся и модернизирующаяся отрасль, пытающаяся реализовать свой экспортный потенциал. При сильной пространственной поляризации и сокращении посевных площадей, перспективных сельскохозяйственных территорий, которые могут использовать выгоды межрегионального разделения труда и собственные природные и трудовые ресурсы, вполне достаточно. Важно лишь опираться не на политические, а на экономические рычаги балансирования, во-первых, производства, импорта и экспорта; во-вторых, крупного, среднего и мелкого производства, чтобы не повышались цены на продовольствие для потребителей, но вместе с тем не разорялись собственные производители.

Благодарности. Статья написана в Институте географии РАН в рамках работы по программе Президиума РАН № 13, проект 3.5 «Пространственное развитие агропромышленного комплекса и сельская местность России: новые вызовы и ответы».

² С апреля 2015 по март 2016 г. экспорт продовольствия из стран ЕС в Россию упал на 29%, а убытки стран ЕС, по оценкам, составили около 2 млрд евро [18]. Особенно это коснулось фермеров, занимающихся производством фруктов, молока и разведением свиней.

Acknowledgments. This article was written in the Institute of Geography, RAS in the framework of the Presidium of the RAS Program for Basic Research no. I.P13, project no.3.5 “Spatial Development of Agroindustrial Complex and Rural Areas of Russia: New Challenges and Responses”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиева К.В., Даньшин А.И., Землянский Д.Ю., Ламанов С.В.* Стратегические вызовы развития сельского хозяйства России // Региональные исследования. 2016. № 4 (54). С. 56–67.
2. *Барсукова С.Ю.* Дилемма “фермеры – агрохолдинги” в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 63–74.
3. Будет ли снижение цен на мясо? // Foodretail. URL. <http://foodretail.ru/news/budet-li-sniženie-tsen-na-myaso> (Дата обращения: 5 января 2017).
4. *Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. М.: Наука, 1990. 164 с.
5. *Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г.* Динамика сельскохозяйственных земель в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010. 416 с.
6. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
7. *Мкртчян Н.В., Кашицкий И.С.* Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Ред. Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова. М.: Логос, 2014. С. 123–140.
8. *Наумов А.С.* Региональное развитие сельского хозяйства в европейских странах и в России в условиях глобальной продовольственной взаимозависимости и дефицита земляных ресурсов // Вест. РУДН. Сер. Экономика. 2014. № 3. С. 63–74.
9. *Нефедова Т.Г.* Основные тенденции изменения сельского пространства России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 3. С. 7–23.
10. *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
11. *Нефедова Т.Г.* Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. Всерос. экон. журнал. 2014. № 4 (478). С. 64–83.
12. *Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
13. *Никулин А.М.* Новейшая гигантомания // Политический журнал. 2005. № 12 (63). С. 7–12.
14. Ойкумена Ближнего Севера / Ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга. 2016. 264 с.
15. Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос. 2014. 495 с.
16. Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / Ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
17. *Серова Е.В.* Аграрная экономика. М.: Государственный университет – Высшая школа экономики. Проект Tacis. 1999.
18. *Силва А.Р.* 12 месяцев российского эмбарго // Иносми.ру 27.05.2016. <http://inosmi.ru/economic/20160527/236690745.html>
19. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / Ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016. 368 с.
20. *Фадеева О.П.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с.
21. *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда: Аналитический доклад. М.: РАНХиГС, 2014. С. 21–56.
22. *Шагайда Н.И., Узун В.Я.* Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы М.: ИД Дело, 2015. 110 с.
23. *Meufroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., and Kuemmerle T.* Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine and Kazakhstan // Global Environmental Change. 2016. V. 37. P. 1–15.
24. *Nefedova T.G.* Russian Agricultural Resources and the Geography of Their Use in Import-Substitution Conditions// Reg. Res. Russ. 2016. V. 6. № 4. P. 292–303.
25. *Visser A, Spoor M., and Mamonova N.* Is Russia the emerging global “breadbasket”? Re-cultivation, agroholdings and grain production // Europe-Asia Studies. 2014. № 66 (10). P. 1589–1610.

REFERENCES

1. Averkieva K.V., Danshin A.I., Zemlyansky D. Yu., Lamanov S.V. Strategic challenges facing the development of agriculture of Russia. *Regional'nye issledovaniya*, 2016, no. 4 (54), pp. 56–67. (In Russ).
2. Barsukova S. Yu. Dilemma “farmers – agricultural holdings” in the context of import substitution.

- Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2016, no. 5, pp. 63–74. (In Russ.).
3. *Budet li snizhenie tsen na myaso?* [Will there be a reduction in meat prices?] // Foodretail. <http://foodretail.ru/news/budet-li-snigenie-tsen-na-myaso> (accessed 05, 2017)
 4. Ioffe G.V. *Selskoe khozyaistvo Nechernozem'a: territorialnye problem* [Agriculture in the Non-Black Soil Zone: Territorial Problems]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 164 p.
 5. Lyuri D.I., Goryachkin S.V., Karavaeva N.A., Denisenko E.A., Nefedova N.G. *Dinamika selskokhozyaystvennykh zemel' Rossii v XX veke i postagrogennoe vosstanovlenie rastitelnosti i pochv* [Dynamics of Agricultural Lands in Russia in XX century and Postagrogenics Restoration of Vegetation and Soils]. Moscow: GEOS Publ., 2010. 416 p.
 6. *Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and ... Home. Return Spatial Mobility of the Population of Russia]. T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova, Eds. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2016. 504 p.
 7. Mkrtchyan N.V., Kashnitsky I.S. Contraction of population from the periphery to regional centers: Russia and the European North. *Potential Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, selskie poseleniya* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements]. N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Eds. Moscow: Logos Publ., 2014, pp. 123–140. (In Russ.).
 8. Naumov A.S. Regional development of agriculture in European countries and in Russia in conditions of global food interdependence and scarcity of Earth resources. *Vestnik RUDN. Ser. Econ.*, 2014, no. 3, pp. 63–74. (In Russ.).
 9. Nefedova T.G. Main trends of changes in rural space of Russia. *Izv. Akad. Nauk. Ser. Geogr.*, 2012, no. 3, pp. 7–23. (In Russ.).
 10. Nefedova T.G. *Desyat' aktualnykh voprosov o sel'skoi Rossii. Otveti geografa.* [Ten Topical Issues about Rural Russia: the Responses of the Geographer]. Moscow: URSS-LENAND Publ., 2013. 456 p.
 11. Nefedova T.G. Agroindustrial concentration in the Russian regions. *EKO. All-Russian Econ. J.*, 2014, no. 4(478), pp. 64–83. (In Russ.).
 12. Nefedova T.G. Migratory mobility of the population and otkhodnichestvo in modern Russia. *Izv. Akad. Nauk. Ser. Geogr.*, 2015, no. 3, pp. 41–56. (In Russ.).
 13. Nikulin A.M. The latest megalomania. *Political J.*, 2005, no. 12 (63), pp. 7–12. (In Russ.).
 14. *Oikumena Blizhnego Severa* [The Ecumene of the Near North]. N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Eds. Moscow: Universitetskaya Kniga Publ., 2016. 264 p.
 15. *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, selskie poseleniya* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements]. N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Eds. Moscow: Logos Publ., 2014. 495 p.
 16. *Puteshestvie is Peterburga v Moskvu: 222 goda spustya* [Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 years later]. Book 1. Two centuries of Russian history between Moscow and St. Petersburg. T.G. Nefedova, A.I. Treyvish, Eds. Moscow: URSS-LENAND Publ., 2015. 230 p.
 17. Serova E.V. *Agrarnaya ekonomika* [Agricultural Economics]. Moscow: HSE, 1999.
 18. Silva A.R. 12 months of the Russian embargo. Inosmi.ru 27.05.2016. Available at: <http://inosmi.ru/economic/20160527/236690745.html>.
 19. *Smysly sel'skoi zhizni (opyt sociologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life: Experience of Sociological Analysis]. J.T. Toshchenko, Ed. Moscow: Center of social forecasting and marketing, 2016. 368 p.
 20. Fadeyeva O.P. *Sel'skie soobshchestva i khozyaistvennyye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural Communities and Economic Structures: from Survival to Development]. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2015.
 21. Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. *Migration and the labour market*. Analytical report. Moscow: RANEPА Publ., 2014, pp. 21–56. (In Russ.).
 22. Shagaida N.I., Uzun V.Y. *Food security of Russia: monitoring, trends, and threats*. Moscow: Delo Publ., 2015. 110 p.
 23. Meyfroidt P., Schierhorn F., Prishchepov A., Müller D., Kuemmerle T. Drivers, constraints and trade-offs associated with recultivating abandoned cropland in Russia, Ukraine and Kazakhstan. *Global Environmental Change*, vol. 37, March 2016, pp. 1–15.
 24. Nefedova T.G. Russian Agricultural Resources and the Geography of Their Use in Import-Substitution Conditions. *Reg. Res. Rus.*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 292–303.
 25. Visser A, Spoor M., Mamonova N. Is Russia the emerging global “breadbasket”? Re-cultivation, agroholdings and grain production. *Europe-Asia Studies*, 2014, no. 66(10), pp. 1589–1610.